

*Тем, кто ждет потока Персеид,
чтобы на сердце стало легче*

*Я спросила себя, каким секретам
выпадет честь умереть вместе со мной.
И ни один из них не был достаточно прекрасен.*

Киношник

Вот уже три года я живу в Сент-Огюсте. Множество больших и малых случайностей неизъяснимым образом сложились воедино и в конце концов побудили меня покинуть Дэмон и поселиться на берегу реки. Первые месяцы я безуспешно пыталась найти привычные точки опоры, но потом нащупала новые. Я не пожалела о своем выборе, хотя и скучала нередко по елям и соснам, которые дома служили мне телохранителями — или скорее душехранителями, — мне не хватало их в тяжелые минуты.

Мы с Шарлем «узаконили» наши отношения, поселившись вместе в дуплексе, который достался мне в наследство от матери. С учетом моего недавнего диагноза покинуть Дэмон казалось хорошей идеей: мне нравилось думать, что я закрываю темную страницу своей жизни и в Сент-Огюсте меня ждет светлая. Те надежды теперь вспоминаю с улыбкой. Не надо забывать, что не бывает света без тени.

Пока Шарль со своей бригадой строили Дом «Птицы» — новый деревенский хоспис, — я руководила ремонтом в нашем собственном доме. Шарль подрядил друзей снести несколько внутренних стен на втором этаже. Кухню, хотя ее и можно было обновить, я решила оставить нетронутой.

Наш лофт я любовно называла «винтажным уголком». Мне нравилось лежать в постели и наблюдать за погодой прямо сквозь балконную дверь. Реку я оттуда не видела, но любила представлять, как она течет, волнуемая ветром или тихая. После сноса стен это пространство напоминало мне мою старую мастерскую на третьем этаже маяка, и мне было приятно чувствовать себя, словно я была там.

Сидеть и ждать, пока Дом «Птицы» не начнет принимать пациентов, было скучно, и, чтобы скоротать время, я стала каждое утро по будням приходить в клинику Антуана, брата Шарля, чтобы продезинфицировать зал ожидания и кабинеты, помыть окна и пропылесосить. Работа прямо для меня: кругом никого, на голове наушники, все внимание на уборке. Я приходила в шесть тридцать, а уходила в восемь, когда клиника открывалась.

Прилежней уборщиков, чем я и мое обсессивно-компульсивное расстройство, было не сыскать. Вещи после меня сияли чистотой и были в идеальном порядке. Вскоре, однако, я обнаружила, что тревога отыгрывает позиции, когда застряла на коврике у входа в клинику.

Полоски на коврике должны были идти строго параллельно швам между плитками на полу. За полтора часа я несколько раз проверяла, ровно ли положила его. Другие пациенты с ОКР по много раз возвращаются к дому, снова и снова проверяя, заперта ли входная дверь, а я оказалась одержимой мыслями о половике.

Этот новый симптом я объясняла тем, что, подавшись порыву, променяла укромное лесное жилище на дом, который стоял голый перед огромным полотном неба и куском реки. Хотя вода всегда меня успокаивала, я по привычке искала вокруг деревьев, за которыми можно было бы укрыться. Меня не покидало чувство, будто я ракушка на пляже и мне нужно то и дело захлопываться, чтобы спрятаться от чужого взгляда.

Сент-Огюст с его простором был создан для людей храбрых, открытых миру, для тех, кто живет полной жизнью, не боясь, что наутро частички этой самой жизни станут предметом сплетен в ближайшем магазине. Я решила, что мне просто нужно чуть больше времени, чтобы адаптироваться. Я завидовала Шарлю, его дару легко приживаться везде, куда ни занесет судьба. Когда я об этом обмолвилась, он ответил:

— Мне легче потому, что ты со мной.

— Но мы ведь не всегда были вместе, а ты и раньше много где жил, — попыталась я снизить пафос, но Шарль не поддался:

— Это я тебя искал.

В фильме такая фраза показалась бы мне слащавой, но он произнес ее совершенно серьезно, и я поверила.

Чтобы меня подбодрить, он говорил, что, возможно, я тоскую без работы. Он был прав. Мне действительно не терпелось погрузиться в привычную атмосферу хосписа. Когда отпраздновали открытие Дома «Птицы», мне значительно полегчало. Скоро я вернусь к кистям и краскам. Брату Шарля было жаль со мной расставаться: он уже понял, что едва ли сумеет найти такую же усердную уборщицу. Я взяла с него слово, что он будет следить там за ковриком — и, лишь сказав это вслух, поняла, какую ляпнула глупость.

Он спросил, нет ли у меня еще подобных идей фикс, и я заверила его, что, если мои навязчивые мысли совсем выйдут из-под контроля, непременно к нему обращусь. Тут мне стало стыдно, но совсем ненадолго, ведь я отлично знала, что не приду к нему с этим. Болезнь уже есть, и справиться я надеялась в одиночку. Не хватало еще, чтобы меня одолел какой-то коврик.

В Дэмоне я занималась тем, что писала картины для пациентов Дома «Тропинка». В Сент-Огюсте я вела для больных и их родственников кружок живописи и литературного творчества. Каждое утро на пляже, совершая пробежку вместе со своим псом Ван Гогом, я придумывала тему очередного занятия, которую участникам предстояло самостоятельно раскрыть в красках или словах.

В Доме «Птицы» у нас была чудесная студия с видом на реку. Когда я еще только увидела чертежи и обнаружила, что часть здания, где предполагалось ее разместить, выходит на дорогу, то немедленно созвала всю команду на экстренное совещание. Я начала с рассказа о том, как важно для пациентов заниматься творчеством, даже привела статью одного нейробиолога, где доказывалась польза подобных практик.

Коллеги кивали, охотно соглашаясь с моими словами. Они знали, какую важную роль в Доме «Птицы» будет играть искусство, но никто не видел в чертежах того, что увидела я. Мы совещались снаружи, среди экскаваторов и куч камней. Я повела остальных за собой, выстроила в шеренгу вдоль дороги, а затем предложила представить, что бы они нарисовали на условную тему дня, вдохновляясь таким пейзажем. Перед нами была дорога, а чуть в стороне — разноцветные магазинчики Сент-Огюст-сюр-Мер. После этого я предложила развернуться на 180 градусов.

Нашим глазам открылось речное устье — и дальше объяснять было нечего. Все рассмеялись. Этот смех очень меня обрадовал: как будто очевидное отразилось в звуке. Лия тут же кинулась звонить архитектору, чтобы переделал чертежи. Отыскав в сумке листок бумаги, я набросала шпаргалку и протянула ей во время разговора. По ее смешку было ясно, что она уловила мою мысль. Мне нравилось думать, что отчасти благодаря

мне и моему выступлению в то утро Дом получил вид из окон, поистине достойный его имени.

Всякий раз, предлагая ученикам взглянуться в небо или реку, прежде чем приступить к работе, я не могла удержаться от соблазна подойти к окнам и тоже полюбоваться красотой. Великим уроком смирения было находиться бок о бок с людьми, которые знали, что скоро умрут, и смотреть на этот необычайный пейзаж их глазами. Природа одним своим видом заставляла принять ту жестокую истину, что красота ее пребудет вечно, с нами или без нас.

Я любила прохаживаться по студии в тишине между погруженными в творчество пациентами и наблюдать за их сосредоточенной работой. Каждого мне хотелось сфотографировать. В своем упорстве, мужестве, досаде и гневе они становились прекрасны. Грядущее никому из них не оставило выбора — однако посещать кружок или нет, каждый мог выбрать сам. И те, кто все же решил прийти, сделали важный шаг на своем пути в стенах Дома.

Я часто задавалась вопросом, хватило бы мне духу на такие упражнения, окажись я на их месте. Ведь в этот час мы занимались не просто творчеством. Это был своего рода акт общения с неизлечимой болезнью: способ принять ее, прогуляться как с другом или приручить с помощью красок и слов. Порою объявлялись и войны, а я становилась свидетельницей первых битв. Снова

и снова я слышала от бойцов: «Вот увидишь, Фабьена, я первый отсюда выйду на своих двоих».

Иные пациентки, вероятно, тоже питали такие надежды, но только мужчины заявляли о них вслух, совершенно уверенные, что так и будет.

Я ничего им не отвечала, потому что не мне было им говорить, что они в самом деле непременно отсюда вырвутся. Только не на ногах, а на крыльях. Мне всегда очень не нравилось сравнение болезни с борьбой. В такой войне признать себя побежденным — уже героизм.

Так или иначе, плоды наших уроков, сражались ли их авторы со своей судьбой или нет, неизменно поражали. Каждую неделю я заново убеждалась, что горе, смятение, страх и неизвестность как ничто иное приводят в движение творческие силы души. Нужно было видеть, как глубоко мои подопечные погружались в самих себя, чтобы сотворить столь неповторимые работы.

По пятницам я выставляла те картины и рисунки, чьи авторы были не против, и любой желающий мог прийти на них посмотреть. Родные и друзья больных, работники хосписа ходили по студии и разглядывали работы, часто в полном молчании. Экспонаты вызывали большое чувство уважения, и по каждому из них можно было узнать что-то важное об авторе.

Мне часто вспоминается муж одной из пациенток, который никак не хотел приступить ко второй части

занятия: все уже встали к мольбертам и взялись за краски — а он все не двигался. Я не раз видела, как те, кому труднее всех расслабиться и начать рисовать или писать, поистине раскрываются в процессе упражнения и после него. Тот человек в конце концов провел полчаса, сплошь закрашивая свои листы черным. Я наблюдала со стороны, и эта сцена показалась мне столь же печальной, сколь и необычной. Одной рукой он делал широкие мазки, другой — утирал слезы.

Прямо у меня на глазах совершалась чудесная встреча сердечного переживания и искусства. Закрасив последний лист, он отступил назад и промолвил:

— Не думал, что так получится. А ведь стало легче...

Я улыбнулась. Добавить мне было нечего — разве только то, что он был прав. Одну из этих черных картин я повесила около рабочих столиков и в дальнейшем показывала новым участникам кружка, объясняя цель упражнения. Так они могли сразу убедиться, что им не нужен особый талант, чтобы испытать на себе пользу искусства.

* * *

В то утро, когда я расставляла стулья в круг перед занятием, в студию вошла Лия.

— Мне нужно успокоиться, Фаб, нужно вести себя профессионально.

Она принялась ходить передо мной взад-вперед, порывисто дыша.

— Да ты всегда профессионально себя ведешь, что случилось?

— Здесь Смарт. Его только что положили.

Я быстро порылась в памяти. Имя смутно знакомое, но кто это, сообразить не могла. Лия глядела на меня не двигаясь, ожидая, пока шестеренки в моей голове наконец не завертятся и я не отреагирую.

— А кто это?..

— Ну как же, Смарт: «Ты без нас», «Куда дует ветер», «Марго Браун», «Крик», «О дереве и соли», «Давай поговорим обо мне».

Я только плечами пожала.

— Фаб! Это же один из наших главных режиссеров! Ей впервые открылось мое невежество.

— Что у него?

— Рак костей. Бред какой-то, мне с ним разговаривать, а я боюсь облажаться.

— В каком смысле?

— Я фанатею по нему с самых первых фильмов. Документалку про него пересматривала раз десять. Я не в состоянии просто войти к нему и поприветствовать как обычного пациента.

Я плохо понимала, что могу сделать, но все-таки предложила:

— Хочешь, пойдем вместе?

— Ты серьезно?

— Ну а что... До занятия еще двадцать минут.

Я заперла студию, и мы отправились к комнатам. В Доме «Птицы» было три корпуса: «Белая цапля», «Чирки» и «Ласточки». Студия и комната отдыха находились в «Чирках», приемная, кухня, столовая и кабинеты — в «Белой цапле», а комнаты пациентов — в «Ласточках».

Я смотрела на Лию, которая шла впереди. Она вся была точно деревянная. Я хорошо знала, как на нее иногда действует стресс из-за той ответственности, к которой обязывал пост директора, но мне еще ни разу не приходилось видеть ее такой серьезной и скованной. Хотелось спросить, впервые ли она вот так теряется перед пациентом, но я сдержалась.

Она остановилась перед комнатой номер десять и сделала знак, чтобы я вошла первой. Я представила, как собираю все свое мужество и оно, точно броня, защищает меня от чувства неловкости. Я просунула голову в дверь.

— Простите?

Смарт сидел в постели и читал журнал. Он окинул нас взглядом и снова погрузился в чтение. Я обернулась на Лию, которая глядела на него во все глаза, улыбаясь. Я подошла к кровати и сказала:

— Меня зовут Фабьена, я работаю в другой части Дома, в корпусе «Чирки», веду художественный кружок. Мы занимаемся живописью, рисунком, творческим письмом.

— Если пришли меня записать, то я уже не в том возрасте, когда сидят кружочком и кисточкой ляпают.

За годы работы я отучила себя принимать близко к сердцу слова пациентов. Но тут, по-видимому, был особый случай.

— Очень жаль, а мне нравится то, что наляпывают взрослые. Это Лия, директор Дома, она тоже очень рада с вами познакомиться. Обычно с пациентами беседует она, но ваше творчество настолько сильно ей нравится, что сейчас она, видимо, лишилась дара речи.

— Фабьена, ну зачем... — раздалось у меня за спиной.

Смарт медленно отложил журнал, сверля нас с Лией взглядом.

— Ну-ну. Одна, значит, воспитательница, пришла мне хвастаться, что гуашью творит чудеса для детсадовцев-переростков, другая слова вымолвить не может, потому что я что-то там снял. Киношник старый помирает. Давайте идите, не на что тут смотреть.

Лия начала было рассыпаться в извинениях за то, что мы его потревожили, но я ее перебила.

— Не будем вам мешать, увидимся с вами позже.

Смарт нахмурил брови.

— И все? Вы что, святые? Вас обхамили, а вам все Божья роса? А идите вы к черту...

— Отлично. Не волнуйтесь, мы знаем его адрес, передадим от вас привет.

Лию мои слова, похоже, расстроили. Возможно, мне и правда не стоило огрызаться. Ничего не могу с собой

поделать: когда мне грубят, я тут же отвечаю. Как правило, на этом стычка и кончается. Но со Смарттом, судя по всему, мне предстояли бои посерьезнее. Если сравнивать с теннисом, он хорошо владел подачей — но и я умела отбивать лучше, чем он думал.

Я много раз видела, как пациенты хосписа злятся на свое положение, но до сих пор мне ни разу еще не грубили. Я проводила Лию до ее кабинета. Она упала в кресло и сказала:

— Да уж... Вот что называется «поставить фанатку на место».

Я посмотрела на часы и увидела, что до моего урока оставалось всего пять минут.

— Еще поговорим, мне пора ляпать кисточкой.

По пути в студию меня преследовало желание сбежать на пляж и палкой понаписать на песке всякую ерунду. Завелась у меня с некоторых пор такая привычка. Я наблюдала, как волны набегают на мои слова, пока не смоют совсем. Это было лучше, чем вести личный дневник, лучше, чем с кем-то делиться. Реке я доверяла полностью и скармливала ей все, что меня тяготило. Я представляла, как жуки-маскинонги рвут на клочки мои страхи, зубатки пожирают мои фобии, раки кромсают мои кошмары. В дни, когда дул сильный ветер и шел дождь, мне нравилось думать, что это река переполнилась моими переживаниями и просит у меня час-другой передышки. Хотя, признаю, воображать, что погода зависит от тебя, — то еще сумасбродство.

Лия часто приглашала меня пообедать вместе у нее в кабинете, и я всегда отказывалась, потому что каждый день во время перерыва мне нужно было ходить к реке. И чем больше я в этом нуждалась, тем яснее понимала, что мое состояние ухудшается. Перед тем как войти в студию, я написала Шарлю.

Утром заселился Смарт

Да? «Крик» — один из моих любимых фильмов

Я не решилась написать, что не смотрела.

Хочу телепортироваться в ванну.
Сейчас же

Я тоже. Обожаю, когда у меня замерзают ноги

Я засмеялась и убрала телефон в карман. Ванна в дуплексе, и так небольшая, для высокого Шарля была и вовсе крошечной. Он часто недоумевал, что за блаженство я нахожу в том, чтобы неподвижно лежать на спине по горло в горячей воде.

Себастьян, мой коллега, сделал мне знак подойти. В студии, ожидая начала занятия, сидели девять человек.

Я представилась новичкам и поприветствовала знакомых учеников.

— Ты так и не сказала, какое у нас сегодня будет ключевое слово.

— Совсем из головы вылетело. Дай мне минутку, ладно?

Уже несколько недель я витала в облаках, и это сказывалось на работе. Я встала перед окнами и стала смотреть вдаль. В мыслях опять возник Смарт. Он напоминал мне мать, какой она была незадолго до смерти. Та же злость, из-за которой она целыми днями не разговаривала, до последней минуты, когда она процедила сквозь зубы: «Скажи им, чтобы катились к черту».

С годами я пришла к выводу, что слова эти адресованы членам ее секты. Мне было очевидно почему: она ощутила себя преданной, когда поняла, что ни молитвы их, ни кристаллы не смогут ее исцелить. И все же фраза эта вновь и вновь всплывала у меня в голове. Что, если я ошиблась? Теперь уже не спросить: «Кому катиться к черту, мама?» Я проводила взглядом чайку, летевшую против ветра, дождалась, пока она, обратившись в точку, совсем не скрылась вдали, — и только тогда предложила Себастьяну слово «гнев».

— Это мы уже брали...

Казалось, он был разочарован, что я не смогла придумать что-нибудь поинтереснее.

Мне очень хотелось сказать ему, что это целый этап, который составляет важнейшую часть переживания

болезни. И даже если обсуждать это чувство каждый урок, все равно обязательно найдется еще, что сказать по теме. У нее много интересных граней.

— Хорошо. Тогда, может, спросить их, что они думают о жизни после смерти?

Себастьян улыбнулся.

— Нет, Фабьена, все нормально — пусть будет гнев.

Было ясно, что он не хочет касаться отвергнутой темы, тем не менее я записала себе в телефонные заметки посвятить ей следующее занятие. До сих пор я не решалась ее предложить, чтобы не оскорбить ничьи религиозные чувства, но уже не могла не признать очевидного: многие из больных задавались вопросом, что ждет их на той стороне. Часто, когда я навещала больных и у меня было свободное время, я предлагала нарисовать для них картину и изобразить на ней то, что они скажут. Иногда при мне начиналось обсуждение между пациентом и его родными. Некоторые верили, что воссоединятся с любимыми людьми, другие нет.

Иногда они меня спрашивали, во что верю я сама, но ясного ответа я не находила. Я часто представляла, что с последним дыханием жизнь просто обрывается, как у сбитых животных на обочине шоссе, которых так больно видеть. Порой же во мне поселялась уверенность, что параллельно с нашим существует еще и другой мир. В общем-то, если я и верила в бессмертие и встречи в следующей жизни, то ради себя же самой.

Мне еще о многом нужно было договорить с теми, кого уже не было.

Я также понимала, что, коснусь этой темы, я рискую увлечься настолько, что уйду в долгие рассуждения, а о своей основной задаче, рисовании, забуду. Шарль всегда удивлялся, насколько меня захватывал просмотр документальных фильмов о переживаниях людей, находящихся при смерти. Врач, тестирующая меня на признаки аутизма, сказала бы, что это самый настоящий «специальный интерес». Лучше бы я, конечно, воспылала страстью к готовке или спорту, но мы не выбираем, что захватит нас с головой.

Один из пациентов рассказывал о том, что почувствовал, узнав свой диагноз, когда в дверь заглянула Лия. Я думала, что ей нужен Себастьян, но она не уходила, и я подошла к ней.

— Смарт хочет у тебя что-то спросить.

У меня брови так и поднялись от удивления.

— Мы же только что там были, двадцати минут не прошло...

— Я бы сходила сама, но ему почему-то тебя подавай.

Я обернулась на Себастьяна. Лия мягко подтолкнула меня в спину в сторону выхода.

— Давай-давай, я тебя подменю. Уж не серди моего кумира.

Обычно я хожу быстро, но тогда тащила по коридору еле-еле. Даже зашла по пути на сестринский пост

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru